

А. Ременников

БОРЬБА ПЛЕМЕН СРЕДНЕГО ДУНАЯ С РИМОМ в 350—370 гг. н. э.

Борьба варваров с Римом, сыгравшая огромную роль в сокрушении рабовладельческого общества, заняла, как известно, целую историческую эпоху¹. Однако далеко не все этапы и движущие силы этой борьбы изучены с должной обстоятельностью и глубиной. Так, еще совершенно недостаточно освещены войны, которые племена среднего Подунавья вели против Римской империи в самый канун Великого переселения народов. Этой проблеме посвящены лишь две небольшие статьи Н. Вулича и К. Пача.

К. Пач² пытается вскрыть предпосылки войн 350—370 гг.; он высказывает интересные мысли о военном искусстве сарматов и квадов. Однако Пач изложил ход военных действий очень схематично и непомерно преувеличил роль квадов. Н. Вулич³ один из первых обратил внимание на войну 357—359 гг. Но большую часть своей статьи автор посвятил вопросу размещения сарматских племен и лишь крайне бегло коснулся проблем, непосредственно связанных с трактуемой им темой. Некоторые данные о событиях 350—370 гг. приводятся и в отдельных работах общего характера⁴.

Войны на Дунае были вызваны рядом причин. Однако главные их предпосылки крылись в уровне развития, достигнутого в те времена племенами Среднего Дуная: сарматами, квадами и др.

Главными поселенцами этих мест являлись сарматы (Amm. Marc., XVII, 12, 14—16), обитавшие в области между Дунаем и Тиссой, а также в Банате⁵ и некоторых районах за Тиссой. Из известных Аммиану сарматских племен наиболее сильными были так называемые свободные сарматы (роксоланы)⁶, или, иначе, аргараганты, и «сарматы-рабы», или лимиганты (XVII, 12, 18—19 и XVII, 13, 1). Основная часть свободных сарматов проживала на севере Большой Венгерской низменности, но какоес-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, М., 1955, т. II, стр. 282.

² С. Patsch, Die quadisch-jazygische Kriegsgemeinschaft im Jahre 374/375, AAW, Phil.-hist. Kl., Sitzungsberichte, т. 209, стр. 3—36.

³ N. Vulich, Konstantius Sarmatenkrieg im J. 358 und 359, BZ, т. XXX (1929—1930), стр. 374—376.

⁴ A. Alföldi, Magyarorszag népei és a Romai birodalom, Budapest, 1934, стр. 46.

⁵ С. Patsch, Banater Sarmaten, AAW, 62 Jahrgang, 1925, стр. 181 сл.

⁶ I. Harmatta, Studies of the History of the Sarmatians, Budapest, 1950, стр. 77 слл.

то подразделение этого племени занимало районы и в южной ее части. Лимиганты (по-видимому, языги по происхождению) делились на амицензов и пицензов (XVII, 13, 19), первые находились в современной Бачка, а вторые в Бапате, у границ Верхней Мезии.

В изображении как Аммиана Марцеллина, так и других авторов сарматские племена на Дунае выступают преимущественно в качестве скотоводов-кочевников. Основную часть их стад составляли лошади⁷. В состав стада входил также крупный рогатый скот и другие животные. Скот удовлетворял важнейшие жизненные потребности населения. Он доставлял продукты питания, сырье для ремесленных изделий, служил в качестве тягловой силы⁸. Наряду с кочевыми формами скотоводства у сарматов Среднего Дуная получило, по-видимому, развитие и пастбищное скотоводство. Письменные и археологические данные свидетельствуют, что у сарматов имелись постоянные селения⁹; в состав сарматского стада входили козы и свиньи, что также подтверждает наличие элементов оседлости.

Жители сарматских селений занимались не только скотоводством. При раскопках в одной из сарматских могил обнаружен жернов; открыты печи для выпечки хлеба, найдены остатки соломы и проса¹⁰. Судя по описанию Аммиана Марцеллина, сарматское войско включало в свой состав, кроме кавалерии, многочисленную пехоту, формировавшуюся, очевидно, главным образом из оседлого земледельческого населения. Все это позволяет предположить, что в междуречье Дуная и Тиссы под воздействием роста производительных сил и социальной дифференциации происходил переход сарматских племен к земледельческому хозяйству.

Рост оседлости был, несомненно, связан и с активным развитием ремесла. В позднесарматскую эпоху резко увеличивается масса металлических изделий¹¹, особенно возрастает удельный вес находок орудий труда и оружия. В отличие от предшествующего периода, когда количество железных вещей лишь на 25% превосходило количество изделий из бронзы, в IV в. железные вещи решительно преобладают. Плавка металла, кузнечное и оружейное дело, а отчасти и ювелирное ремесло являлись важными отраслями сарматского производства.

Многочисленные находки керамических изделий свидетельствуют о развитии у сарматов гончарного производства. Среди сарматской керамики немало грубых, сделанных без гончарного круга изделий, но сосуды, изготовленные на тончарном кругу, также очень распространены. Они обычно сформованы из хорошо отмученной глины, прекрасно обожжены¹². Значительные сдвиги у сарматов отмечаются и в ткацком производстве. Находки глиняных пряслиц в IV в. чрезвычайно многочисленны; обнаружены остатки тканей высокого качества. В сарматском ремесле занимали серьезное место и такие отрасли, как деревообработка, портняжное и кожевенное дело, обработка рога и кости. Конечно, множество изделий, вероятно, по-прежнему изготавливали в каждом хозяйстве, однако целый ряд отраслей ремесла (металлургия, кузнечное, гон-

⁷ M. P á r d u c z, Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, Budapest, 1950, т. III, стр. 220 сл.

⁸ O v i d., Tristia, III, 10, 30.

⁹ A m m. M a r c., XVII, 13, 13; M. P á r d u c z, Eine Siedlung zu Hódmezővásárhely-Kopancs, separatum.

¹⁰ M. P á r d u c z, Beiträge zur Geschichte der Sarmaten in Ungarn im II und III Jahrhundert, «Acta Archeologica», 1956, т. VII, вып. 1—4, стр. 177.

¹¹ См., напр., P á r d u c z, Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, III, стр. 234.

¹² П. С и м о в л е в и ч, Сарматски стратум на Црвенки крај Вршца Рад Војвођанских музеја, «Нови Сад», 1957, № 6, стр. 60.

чарное и др.), по-видимому, уже обособлялся и приобретал самостоятельное значение¹³.

Наличие оседлого и кочевого населения, развитие ремесла — все это повело к усилению торговых связей среди сарматских племен Среднего Дуная. Значительные размеры имела и торговля с Римом; существовали торговые и культурные связи с германскими областями, с районами Северного Причерноморья. Конечно, внутренняя торговля носила преимущественно меновой характер, а внешние связи часто прерывались в условиях растущих военных столкновений.

В первые века н. э. сарматские племена на среднем Дунае пережили период разложения родоплеменных отношений. Верхушку общества составляла военно-родовая аристократия (Amm. Marc., XVII, 12, 14; Tacit., Hist., I, 79), именно ей принадлежат богатые, а иногда и роскошные погребения Большой Венгерской низменности. Знати противостояли рядовые общинники. Так, Аммиан Марцеллин с удовлетворением отмечает, что после своих побед над сарматами Констанций дал им в правители своего ставленника, и это был не какой-нибудь простой человек, а царевич¹⁴. Среди общинников, как можно судить по погребениям, были и совсем обедневшие люди. У сарматов уже появилось и рабство. Во время своих набегов на придунайские провинции они захватывали многие тысячи мирных жителей (Amm. Marc., XXIX, 6,8). Таким образом, у сарматских племен Среднего Дуная можно отметить далеко зашедший процесс социальной дифференциации. Однако эта дифференциация еще не привела к созданию классового общества. Обращают на себя внимание могильники, где погребения сгруппированы в определенном порядке; женские погребения нередко более богаты инвентарем, чем мужские. Все это приводит к предположению о стойкости элементов родовых отношений. Необходимо также отметить, что у сарматов важнейшие вопросы еще решались всеми вооруженными мужчинами племени (XIX, 11, 9—10); царей избирал сам народ.

На той же ступени развития находились и северо-западные соседи сарматов — квады. Сведения об экономике и общественном строе квадов крайне скудны. Квады проживали на территории современной Словакии, ядро их находилось на реке Грон¹⁵. Аммиан Марцеллин отмечает, что квады были близки сарматам по обычаям и вооружению (XVII, 12,1). Из его последующего высказывания (XVII, 12, 2—3) можно сделать заключение о значительном развитии у квадов скотоводства, причем возможно, что на равнинах Южной Словакии оно носило полукочевой характер.

Но оседлые формы хозяйства, земледелие, играли у квадов гораздо более значительную роль, чем у соседних с ними сарматов. Аммиан рассказывает, что во время одной из войн римскому полководцу Меробавду было приказано «опустошить и выжечь поселки варваров» (XXX,5,13). Интересно отметить, что среди возделываемых квадами культур был лен, из которого изготовлялись прочные ткани.

Высокого уровня в III — IV вв. достигло у квадов ремесло. О серьезном развитии металлического производства свидетельствуют, в частности, богатые находки в Стражах (Юго-Западная Словакия). Здесь обнаружены наряду с предметами римского происхождения также прекрасные

¹³ Р. Рапашек, Сарматска лончарска радионица из Црвенке крај Вршца, там же, стр. 55 сл., об интересных раскопках сарматской гончарной мастерской конца IV — нач. V вв. н. э.

¹⁴ Amm. Marc., XVII, 13, 24: non ignobilem quempiam regem, sed regalem imposuit.

¹⁵ Jan Eisner, Slovensko v pravěku, Bratislava, 1933, стр. 198.

местные изделия из бронзы, серебра и золота¹⁶. Большую роль играли ткачество, деревообработка, кожевенное ремесло¹⁷ и керамика¹⁸. Керамические изделия обычно черного цвета, хорошо обожжены, подвергнуты лощению. По-видимому, и у квадов некоторые виды ремесла (металлообработка во всяком случае)¹⁹ уже отделялись от сельского хозяйства. Квадские племена в рассматриваемый период поддерживали довольно активные торговые связи с римскими провинциями²⁰, соседними германскими и сарматскими областями, а также и с более отдаленными районами.

Рост производительных сил, торговля, войны влекли за собой разложение родоплеменных отношений. У квадов выделилась сильная военно-родовая аристократия (Амм. Марс., XVII, 12, 12), именно этой племенной верхушке и принадлежат богатые погребения, обнаруженные на территории Словакии. В руках аристократической верхушки сосредоточивались военные и судебные функции, ведение внешней политики. Однако, по-видимому, и у квадов эти процессы еще не привели к созданию классового общества.

Таким образом, у племен Среднего Дуная в рассматриваемый период происходил рост производительных сил, шел ускоренный процесс социальной дифференциации. Укрепление военно-экономической базы среднедунайских племен, рост народонаселения толкали их на завоевательные войны. Военно-родовая верхушка жадно гналась за добычей, да и для рядовых воинов приобретение богатств стало одной из важнейших жизненных целей²¹. Между тем кризис Римской империи продолжал углубляться. Рост движений народных масс внутри империи обессиливал ее перед лицом внешних врагов. Активность племен Среднего Дуная как раз приходится на середину IV в. н. э., характерную обострением внутреннего кризиса империи и ухудшением внешнеполитической обстановки. Мятеж Магненция и последовавшая затем междоусобная борьба ослабили римскую армию. Вновь возобновились войны с Персией; на Рейне развернулись нападения западногерманских племен²². Соседи придунайских племен — лентии — вторглись в Рецию, и римлянам с большим трудом удалось нанести им поражение (Амм. Марс., XV, 4, 11—12). Вскоре огонь войны перекинулся и на Средний Дунай. Повествуя о посещении Константином Рима весной 357 г., Аммиан (XVI, 10, 20) замечает, что, хотя император и имел большое желание побольше пробыть в великом городе, «его тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы совершают набеги на Рецию, квады — на Валерию, сарматы... опустошают Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию»^{22а}. Константин прибыл в Рим в конце апреля 357 г. и пробыл там почти весь май. Следовательно, нападение сарматов и квадов началось самое позднее в мае 357 г.; на исходе этого месяца император был вынужден направиться на Дунайский фронт.

¹⁶ Vojtech Ondrouch, Bohaté hroby z doby rímskej na Slovensku, Bratislava, 1957, стр. 220 сл.

¹⁷ Ludmila Krasakovská, Hroby z doby rímskej v Zohore, «Slovenská Archeológia», т. VII, вып. 1, 1959, стр. 136.

¹⁸ Titus Kolník, Germánske hroby zo starej doby rímskej, «Slovenská Archeológia», т. VII, вып. 1, 1959, стр. 157.

¹⁹ Ondrouch, ук. соч., стр. 223—224.

²⁰ Там же, стр. 213 сл.

²¹ Tacit., Hist., I, 79; Eut., IX, 8; Амм. Марс., XVI, 10, 20.

²² Camille Julian, Histoire de la Gaule, P., 1920, т. VII, стр. 161.

^{22а} В статье использован русский перевод Аммиана Марцеллина, принадлежащий Ю. Кулаковскому и А. Сонн, Киев, 1906—1908; мы сделали лишь отдельные уточнения.

Вначале вторжения варваров носили полуграбительский характер и сводились к рейдам мелких отрядов, которые переправлялись через Дунай, устраивали засады и нападения на неукрепленные населенные пункты и малочисленные римские подразделения. Но постепенно набеги усиливались, и под ударами варваров оказалась не только Вторая, но и Первая Паннония (Amm. Marc., XVII, 13, 28)²³. Таким образом, борьба развернулась почти по всему Среднему Дунаю на протяжении 750—800 км.

Первоначально защита Дунайских провинций была возложена на местные силы. Однако положение в Иллирике становилось все более напряженным. Натиск варваров возрастал. «Зло дошло до тяжких, постоянно повторяющихся бедствий, постигавших целые провинции» (там же). Широкий размах, который приобрели варварские вторжения, подразумевает если не полный крах иллирийского лимеса, то во всяком случае его прорыв во многих местах. Ряд укреплений и небольших городов был взят сарматами и квадами²⁴.

Дальнейшее развитие наступления привело к тому, что римляне, запершись в крупных городах, прекратили организованное сопротивление, и варвары могли беспрепятственно ἐπι πολλῆς ὁδοῦς (Zos., III, 1) совершать свои опустошительные набеги²⁵. Протяженность рейдов чрезвычайно возросла. После парализации римской обороны летучие кавалерийские отряды сарматов и их союзников имели полную возможность за 8—10 дней достичь глубинных районов Далмации и Верхней Мезии.

Однако речь шла не только о разгроме обширных областей империи. Судя по всему, варвары сделали попытку оторвать от Рима его иллирийские провинции. По свидетельству Аммиана, *persultabat Illiricum furor hostilis* (XVII, 13, 27) — «яростный враг рыскал по Иллирику». В наиболее опасном положении оказались, естественно, области, расположенные у самого Дуная. В своей речи к солдатам император Констанций говорил впоследствии: «Мы пришли в Паннонии, чтобы, согласно велению вечного бога, поддержать то, чему грозила погибель» (XVII, 13, 28). Из последующего рассказа Аммиана мы узнаем, что на римской территории появились сарматские селения, на которые и обрушилось с яростью римское войско после одной неудачной для сарматов битвы. Данные археологии, относящиеся к IV в., также свидетельствуют о массовом проникновении сарматов на правый берег Дуная. Даже если принять во внимание, что немало сарматов осело в Иллирике еще в первой половине IV в. (*Origo Const.*, 6, 32), то все же несомненно, что массовое проникновение сарматов за Дунай связано прежде всего с войной 357—359 гг., когда вслед за воинами на новые земли двинулись и их семьи.

Перед лицом опасной угрозы император был вынужден двинуть в Иллирик²⁶ крупное войско, и сам стал во главе его (Zos., III, 2; Amm. Marc., XVI, 10, 20). Следуя на Средний Дунай, Констанций укрепил горные проходы, ведущие в Рецию, а также, возможно, помог рецийским войскам отразить нападение севов. Марш на театр военных действий

²³ Римская флотилия на Дунае к тому времени, очевидно, уже понесла поражение или во всяком случае была сильно дезорганизована.

²⁴ *Intercisa*, т. II, Budapest, 1957, стр. 537; E. Š í m e k, *Keltové a Germáni v našich zemích*, Brno, 1934, стр. 133.

²⁵ О большой добыче, захваченной тогда варварами, свидетельствуют, в частности, многочисленные находки монет императора Констанция на территории Чехии и Словакии «*Nálezů mincí v českách, na Moravě a ve Slezsku*», Praha, 1955, стр. 283 сл.

²⁶ Понятие *Illiricum*, как известно, охватывало большой массив балкано-дунайских областей. В данной статье речь идет о ядре иллирийских провинций, расположенном на Среднем Дунае (обе Паннонии, Валерия, Савия, Верхняя Мезия) и в районах Далмации.

и упомянутые оборонительные мероприятия заняли, понятно, немало времени, и Констанций, покинув Рим 29 мая 357 г.²⁷, по-видимому, прибыл в Иллирик не раньше конца июля.

К сожалению, наш главный источник Аммиан Марцеллин опускает описание военных действий на Дунае летом и осенью 357 г. Но поскольку он отмечает, что римляне разместились на зимовку в Сирмии (XVII, 12, 4), то очевидно, что к зиме 357/358 г. им уже удалось добиться перелома в ходе войны с варварами. Однако Аммиан, обычно столь ревнивый к римским успехам, в данном случае даже мельком не упоминает о каких-то крупных римских победах. Их, по-видимому, и не было, так как зимой 357/358 г. сарматы и квады вновь напали на римские владения, а затем оказали упорное сопротивление наступающим римлянам, что было бы невозможно, если бы летом и осенью 357 г. варвары понесли тяжёлые поражения. Правильнее всего будет предположить, что сарматы и квады после неудачных для них столкновений отступили на свою территорию. Их поредевшие отряды, лишённые единого командования, не могли оказать действенного сопротивления превосходящим силам римлян. На стороне последних было ещё и то преимущество, что они опирались на ряд крепостей и баз, тогда как снабжение и маневр конных отрядов варваров были крайне затруднены в условиях вражеского контроля над коммуникациями и наступавшей осенней распутицы.

Однако затишье на Дунайском фронте оказалось весьма кратковременным. С образованием на реке достаточно прочного ледяного покрова сарматы и квады вновь активизировали действия: «пока август спокойно проводил зиму в Сирмии, к нему являлись многочисленные вестники с удручающими сообщениями о том, что сарматы и квады..., соединившись, делают набеги отдельными отрядами на обе Паннонии и Вторую Мезию» (Амм. Марс., XVII, 12, 4). Нападения варваров были, по-видимому, успешно отражены. В Иллирике к этому времени уже находились многочисленные римские войска, к тому же в условиях суровой зимы возможности развертывания военных действий были резко ограничены.

Наступила весна 358 г. За истекшие 8—9 месяцев римляне восстановили положение на Дунае. Но они уже давно усвоили ту истину, что серьёзную передышку можно получить, лишь нанеся удар по территории самих варваров и подчинив их пограничные племена своему контролю²⁸. Поэтому на Среднем Дунае началась серьёзная подготовка к вторжению в земли сарматов и квадов. Из различных районов империи и особенно из Галлии в Иллирик стягивались лучшие войска (Zos., III, 8, 3).

Представляет интерес вопрос о численности римской армии, сосредоточенной на Дунае для наступательных военных действий. Аммиан Марцеллин (XVIII, 5, 2) сообщает, что «большая часть военных сил была размещена в Иллирике». Вместе с тем как у Аммиана, так и у Либания (оба — современники, осведомленные относительно событий) приводятся данные о численности римских войск в Галлии и частично на Востоке. По сведениям Аммиана (XVI, 11, 2 и XVI, 12, 2), на галльском фронте действовали две армии общей численностью в 38 тыс. человек, по данным Либания (Ог., XVIII, 49), они состояли из 45 тысяч, т. е. на Рейне насчитывалось примерно 40 тыс. солдат и офицеров. Не меньшие силы находились и на Востоке (Амм. Марс., XVIII, 9, 3) — одну лишь Амиду защищало семь легионов. Правда, с персами уже с 356 г. шли мирные переговоры, но обстановка продолжала оставаться очень напряжен-

²⁷ O. Seeck, Register der Kaiser und Päpste, anno 357.

²⁸ I. Müller-Seidel, Die Usurpation Julians des Abtrünnigen im Lichte seiner Germanenpolitik, «Historische Zeitschrift», München, т. 180 (1955), 2, стр. 231—232.

ной, и мир с персами могло обеспечить только наличие сильной армии. Римские соединения дислоцировались также в Британии, Африке и некоторых других районах.

Таким образом, римские силы вне пределов Иллирика составляли минимум 80 тысяч человек солдат и офицеров полевой армии. Если предположить, что сосредоточенные на Среднем Дунае римские войска по своей численности всего на 20% превосходили силы армии, размещенные в других частях империи, то и тогда их численность достигала 100 тысяч человек. Примерно столько же насчитывали и постоянные гарнизоны Иллирика. Конечно, в результате краха лимеса, перебежек, дезертирства местные части должны были сильно поредеть. Но все же, по-видимому, несколько десятков тысяч человек, своевременно отступивших или укрывшихся в больших городах и крепостях, теперь влились в состав главных сил римской армии, предназначенных для контрудара по варварам.

Как явствует из хода военных действий весной и летом 358 г., план римлян сводился к тому, чтобы бить врага по частям, нанося удары свободным сарматам, квадам, лимигантам. Наличие в Иллирике разветвленной сети дорог, сильных опорных пунктов и баз²⁹, помощь Дунайской флотилии — все это давало возможность быстро перегруппировать силы, осуществлять их снабжение продуктами и вооружением.

Первый удар предназначался племенам, обитавшим между Дунаем и Тиссой (то были прежде всего свободные сарматы). Действуя в этом направлении, римляне стремились нанести поражение ядру сарматских племен. Основная масса римских войск, предназначенных для наступления за Дунаем, была сосредоточена, несомненно, в районе Сирмия: здесь находился сам император (Philost., Hist. eccl., IV, 10; Amm. Marc., XVII, 12, 1); в своем описании Аммиан Марцеллин главное внимание уделяет действиям именно этой части римской армии. Сухопутным войскам, расположенным в Сирмии и прилегающих местностях Второй Паннии, было придано большое количество военных кораблей (Amm. Marc., XVII, 12, 4). Таким образом, главный удар римляне наносили с юга на север, имея в качестве исходной базы Сирмий — столицу Иллирика³⁰, важный узел дорог. Вспомогательный удар наносился с территории Валерии.

Главные силы римлян выступили из Сирмия после весеннего равноденствия 358 г., т. е. около начала апреля. По мосту, наведенному на судах, римляне успешно переправились на левый, сарматский берег Дуная. Сарматы, очевидно, не ожидали столь раннего выступления противника и еще не успели сосредоточить для обороны необходимое количество сил, к тому же римские войска напали и с фланга, со стороны Валерии. В этих условиях сарматам ничего иного не оставалось, как поспешно отступить на север.

Однако довольно скоро силы сарматов начали возрастать. По словам Аммиана Марцеллина, варвары «пытались оказать отчаянное сопротивление» (XVII, 13, 28), он говорит об их «нападениях» и «грозных попытках сопротивления» (там же). Отступательные бои сарматов проходили в очень тяжелых условиях. Им приходилось обороняться на двух фронтах, подвергаясь угрозе римского окружения. Поэтому можно верить римскому историку, когда он говорит (пусть и с некоторым преувеличением) о военных неудачах и тяжелых потерях сарматских племен. Императорское войско продолжало продвигаться на север, следуя параллельно Дунаю (ср. Вулич, ук. соч. стр. 374).

²⁹ Ср. E. Gren. Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit. Uppsala, 1941, стр. 95, 106.

³⁰ «История народа Югославия», Београд, 1953, т. I, стр. 49.

В конце концов сарматы решились на генеральное сражение. Дальнейшее отступление могло привести к полному опустошению их земель, вместе с тем на помощь сарматам пришло наконец вспомогательное войско квадов (Amm. Marc., XVII, 13, 28). План варваров сводился к тому, чтобы атаковать римлян с нескольких сторон (XVII, 12, 7). Как можно заключить из беглых высказываний Аммиана, сарматы и квады сражались отчаянно, проявив в бою большое мужество. Тем не менее они понесли тяжелое поражение. «Большинство было перебито, часть, которой удалось уцелеть, ускользнула по знакомым тропинкам» (XVII, 12, 9). Разгром варваров в этой решающей битве объясняется тем, что свободные сарматы были уже сильно ослаблены и деморализованы, помощь же квадов не могла быть очень значительной, так как им приходилось обеспечивать себя от нападений со стороны опорных пунктов противника на римско-квадской границе.

Описанная выше битва произошла где-то на севере, вблизи владений квадов, ибо сразу же после одержанной победы римляне, как сообщает Аммиан, сконцентрировали силы и двинулись на землю восточных квадов (XVII, 12, 9)³¹. Однако воля варваров к продолжению борьбы была уже подорвана, и несколько племен обратились к римлянам с просьбой о мире. То были свободные сарматы, их соседи (восточные квады) и некоторые другие племена, названия которых Аммиан не сообщает.

Поход был прерван. Начались сложные и длительные переговоры, причем римляне по понятным соображениям стремились к заключению мира отдельно с каждым племенем. Первый мирный договор был заключен со свободными сарматами. Тяжелые поражения, понесенные этим племенем, сделали его верхушку склонной к далеко идущим уступкам. По условиям мира сарматы возвращали всех римских пленных, представляли заложников, а самое главное — становились вассалами империи, дав обязательство неукоснительно выполнять приказания Констанция (Amm. Marc., XVII, 12, 11).

После этого дипломатического успеха римляне приступили к переговорам с квадами, трансиританами и каким-то сарматским племенем — все они входили в межплеменное объединение, возглавляемое квадским вождем Арагарием. Однако это объединение уже переживало распад, и римлянам удалось заключить с квадами и сарматским племенем сепаратный мир. О содержании мирного соглашения с квадами ничего не известно, что же касается сарматов, то они становились клиентами римлян и выдавали заложников (Amm. Marc., XVII, 12, 15).

Выход из войны свободных сарматов и восточных квадов с их союзниками предопределил капитуляцию остальных племен, проживавших в близлежащих районах. Со значительной долей риторики Аммиан сообщает: «... стали тесниться целыми толпами племена и цари, молившие снять занесенный над их шеей меч» (там же, XVII, 12, 16). Мир с этими племенами был заключен на условиях выдачи ими заложников и возвращения римских пленных. Цикл дипломатических переговоров завершился новым соглашением со свободными сарматами.

Это племя некогда господствовало над сарматами-лимигантами. Однако лимиганты (их иначе называли сарматами-рабами за их подчиненное положение) восстали против своих угнетателей, отвоевали свободу и даже изгнали свободных сарматов из мест их бывшего обитания. В период успешных вторжений в римские земли оба племени выступали единодуш-

³¹ По мнению К. Пача, во время этого похода римляне продвинулись до устья р. Нитры. См. P a t s c h, Die quadisich-jazygische Kriegsgemeinschaft, стр. 5. Столь глубокое проникновение в землю квадов кажется сомнительным, поскольку они быстро капитулировали и военные действия прекратились.

но. Но понесенные поражения привели к обострению межплеменных противоречий, оживили старые раздоры. Племенная знать свободных сарматов, возглавляемая Зизаисом, попросила у римлян помощи и защиты против своих «обидчиков». Римляне, заинтересованные в разжигании вражды племен, охотно выступили в качестве «покровителей» свободных сарматов (Amm. Marc., XVII, 12, 19). Последние в свою очередь еще раз подтвердили свою верность Риму, а также, судя по последующему развитию событий, согласились оказать римлянам помощь в борьбе против лимигантов. Во главе племени был поставлен Зизаис, сторонник Рима³².

После всех этих дипломатических успехов, закрепивших их военные достижения, римляне смогли продолжать свой поход вверх по Дунаю, чтобы вывести из войны западных квадов. Перейдя на свой берег реки, они совершили переход в Бригецион, первоклассную крепость, расположенную у важной переправы через Дунай напротив владений квадов. Базпруясь на Бригеционе, римляне вторглись в квадские земли³³. Однако силы были слишком неравны; напряжение предшествующей борьбы, недавнее поражение сарматов и пришедших им на помощь квадских отрядов — все это привело к быстрой капитуляции и западных квадов. Квадская знать изъявила покорность римлянам и выдала своих детей в качестве заложников (там же, XVII, 12, 21).

Трудно сказать, сколько времени заняли события, начавшиеся первым переходом римлян через Дунай. Но если принять во внимание большие пространства, на которых развернулась борьба, сопротивление крупных сил варваров, переговоры, то без преувеличения можно предположить, что от выступления римлян из Сирмия до капитуляции западных квадов прошло не менее 2—3 месяцев.

Римские победы над свободными сарматами и квадами в основном уже предрешили благоприятный для империи исход войны на Среднем Дунае, ибо главные силы противников Рима были разбиты и пошли на заключенные мир. Теперь римляне могли сосредоточить свое внимание на борьбе с сарматами-лимигантами. Эти племена, видимо, представляли для римлян немалую опасность, так как Аммиан Марцеллин говорит о них с большой ненавистью (XVII, 13, 1).

Походу на лимигантов предшествовали значительные военные приготовления. Римляне решили не только «покарать» лимигантов, но и переселить их подальше от римских границ (там же, XVII, 13, 2). Императорским войскам предстояла борьба против двух лимигантских племен, отделенных друг от друга нижним течением Тиссы. Это обстоятельство облегчало разгром противников поодиночке. Римское войско было вновь переброшено на юг. Оно сосредоточилось в северо-восточном углу Второй Паннонии. Эта позиция давала римлянам возможность, опираясь на Сирмий, повести наступательные действия против амицензов и вместе с тем ставила под угрозу вторжения территорию родственных им пицензов. Однако амицензы были уже сильно ослаблены предшествующей борьбой, деморализованы поражением их союзников и находились фактически в состоянии изоляции. Даже пицензы не пришли к ним на помощь. Поэтому амицензы согласились стать вассалами римлян (Amm. Marc., XVII, 13, 3). Однако требование римлян переселиться в новые места обитания вызвало их решительный протест. Тогда император Констанций предложил амицензам явиться на правый берег Дуная в расположение римской

³² A m m. M a r c., XVII, 12, 20; Аврелий Виктор подтверждает это: apud eos regem dedit (Caes., 42, 21).

³³ Бригецион являлся наряду с Карпунтом главной оперативной базой на квадском участке лимеса. Emanuel S i m e k, Čechy a Morava za doby římské, Praha, 1923, стр. 162.

армии. Он, видимо, решил или склонить лимигантов к покорности, или жестоко расправиться с ними.

Амицены пришли на переговоры крупным отрядом; они были вооружены. Переговоры шли очень туго. Император убеждал сарматов покориться, но те колебались и не давали определенного ответа. Наконец, убедившись в «несговорчивости» варваров, римляне напали на амиценов (XVII, 13, 8). Сарматы сражались с упорством и героизмом. Но сопротивление их было сломлено. Последовала жестокая расправа, причем главной жертвой солдатских зверств стало мирное население³⁴.

После разгрома амиценов римляне направились в поход против пиценов. Это было последнее среднедунайское племя, еще продолжавшее борьбу с Римом. Пицены, учитывая крайнее неравенство сил, избрали для обороны партизанские методы ведения войны (Amm. Marc., XVII, 13, 19). Они рассредоточили свои силы, и римлянам, плохо знакомым с местностью противника, было бы очень нелегко преследовать их летучие отряды. Между тем уже близилось холодное время года, а откладывать кампанию на будущую весну было опасно ввиду напряженного положения как внутри страны, так и на других фронтах. Поэтому римляне обратились за помощью к тайфалам и свободным сарматам. Жажда добычи и стремление к расширению своих земельных владений обеспечили Риму поддержку тайфалов; что же касается свободных сарматов, то для них наступил желанный момент отомстить своим бывшим «рабам» и вернуть некогда принадлежавшие им территории.

Пиценам были нанесены концентрические удары. Римляне наступали с территории Верхней Мезии, свободные сарматы — с запада, из-за Тиссы, тайфалы выступали со своих земель, расположенных восточнее Баната, в прилежавшие к ним районы пиценов (Amm. Marc., XVII, 13, 20). Последние не смогли, по-видимому, оказать врагам действительного сопротивления, так как, по словам Аммиана, «свободные сарматы заняли земли, противоположные их местожительству» (там же). Римский историк очень бегло рассказывает о ходе военных действий. Он, однако, отмечает, что для последовавших вскоре переговоров с римлянами пицены покинули укрывавшие их горные высоты (там же, XVII, 13, 22). Из этого можно заключить, что под натиском врагов пицены вынуждены были отступить в труднодоступные горные районы Северо-Западного Баната.

В конце концов, по настоянию собственной знати, пицены капитулировали перед Римом. Они «согласились теперь повиноваться распоряжениям и перейти в другие места обитания, спокойные и безопасные, где не могла тревожить их война и не грозили внутренние раздоры» (там же, XVII, 13, 23). Племя, таким образом, приняло основное римское требование — переселиться в более отдаленные места.

Аммиан, к сожалению, не указывает района, в котором пицены поселились после ухода из Баната, не сообщает он ничего и о том, разделили ли их изгнание родственные им амицены. Однако часть лимигантов (во всяком случае пицены) ушла, несомненно, на север Венгерской низменности (ср. Patsch, Die quadisch-jazygische Kriegsgemeinschaft, стр. 5), поскольку уже в следующем году лимиганты прибыли для переговоров с императором в район Аквинка (Amm. Marc., XIX, 11, 8). Часть свободных сарматов в свою очередь переместилась в Банат, поскольку в 370-егг. объектом их нападения стала провинция Верхняя Мезия (там же, XXXIX, 6, 15).

После капитуляции пиценов военные действия на Дунае прекратились. Римская армия с триумфом вернулась в Паннонию³⁵. Поскольку

³⁴ Аммиан (XVII, 13, 12—18) дает яркие картины этих зверств.

³⁵ A m m. M a r c., XVII, 13, 33; J u l i a n, Ep. ad Athen., 279 D.

речь шла о размещении на зимние квартиры, то, по-видимому, уже наступила поздняя осень 358 г. Казалось, что теперь на Дунае на долгое время обеспечены мир и спокойствие. Однако император Констанций не спешил уходить из Сирмии, хотя на Востоке вновь развернулись военные действия, а в самом Риме происходили волнения. Существенную роль в этой задержке сыграла, конечно, наступившая зима. Но наряду с этим была и другая, более важная причина — боязнь новых осложнений на Дунае (там же, XIX, 11, 1).

Эти осложнения не заставили себя долго ждать. Констанция, пребывавшего в Сирмии, вскоре известили, что лимиганты оставили отведенные им места и заняли пограничную с империей область (там же). Аммиан Марцеллин объясняет это перемещение сарматов их желанием снова напасть на империю (XIX, 11, 4). Разумеется, появление лимигантов вблизи римских границ создавало вновь реальную угрозу их вторжения, особенно если учесть уже начавшуюся переброску римских войск с запада на восток. В новых местах обитания лимиганты, ослабленные римлянами, несомненно, испытали большие трудности, и, возможно, прежде всего голод и нужда в зимних пастбищах заставили их приблизиться к Дунаю (зима 358/359 г.).

Появление лимигантов крайне обеспокоило римлян. Развернулись большие военные приготовления; римские войска сосредоточились в провинции Валерии, сюда прибыл из Сирмия и сам император (Амм. Марс., XIX, 11, 4). К лимигантам были отправлены послы. Перед лицом римской армии, готовой возобновить войну, сарматы обещали полную покорность и просили только допустить их к императору, чтобы изложить ему свои жалобы и пожелания (XIX, 11, 6). Император согласился принять лимигантов на римском берегу. В апреле 359 г. он прибыл в Аквинк³⁶, где и произошла встреча, превратившаяся в кровавую резню.

Большое количество вооруженных лимигантов переправилось на правый берег Дуная. Император, стоя на высоком трибунале, обратился к ним с речью. Но тут один из сарматов издал боевой клич и толпы сарматов, подняв боевое знамя, обрушились на императора и его окружение (XIX, 11, 10). Однако на помощь Констанцию устремилось расположенное поблизости римское войско. Крайнее неравенство сил привело к тому, что сопротивление лимигантов было быстро сломлено и битва вылилась в беспощадное избивание варваров (XIX, 11, 14).

Трудно сказать, чем был вызван этот взрыв, принесший гибель тысячам сарматов. Аммиан Марцеллин склонен видеть в нападении варваров на императора выполнение какого-то заранее продуманного плана. Однако это маловероятно. Лимиганты, чрезвычайно ослабленные предшествующей борьбой, уже согласились на римские условия, и вряд ли они пошли бы сознательно на неминуемую гибель, грозившую им при столкновении с превосходящими силами римлян. Скорее всего, они бросились в битву в стихийном порыве охватившего их отчаяния и негодования, увидев в непосредственной близости от себя главного виновника своих бедствий (ср. Patsch, Die quadisch-jazygische Kriegsgemeinschaft, стр. 5).

Таким образом, война 357—359 гг. окончилась тяжелым поражением варваров Среднего Дуная. Хотя резервы Рима иссякли, у него все же еще

³⁶ Аммиан здесь явно ошибочно говорит об Аквинке, расположенном во Второй Паннонии, тогда как, по его же словам, опасности подверглась Валерия, куда и направился император с армией. Но в Валерии находился именно Аквинк, узел военных дорог и оплот римлян в борьбе против сарматов (W. T o m a s c h e k, Aquincum, RE, т. I, стб. 333). Римские укрепления в районе Аквинки были в свое время возведены даже на территории варваров. Th. P e c k a r y, Aquincum, «Das Altertum», т. 3 (1957), II, стр. 115.

нашлись значительные силы для активных действий; мобильная армия империи в середине IV в. по организации и вооружению стояла выше варваров, что и дало римлянам возможность совершить на территорию противника целый ряд смелых вторжений. Существенную роль в поражении варваров сыграли непрочность их коалиции и обострение межплеменных противоречий, последовавшее в результате военных неудач. Римские достижения в войне 357—359 гг. в известной степени обусловила и непосредственная позиция квадо-сарматской знати. Варварская верхушка

с неохотой шла на огромные материальные жертвы, которых требовала борьба на собственной территории; часть знати была довольно тесно связана с империей и после первых же поражений варваров активно выступила с проримских позиций.

Военные события 350-х годов занимают важное место в истории варварских вторжений в Римскую империю. После длительного периода мира вновь развернулся мощный натиск придунайских племен — исконных врагов империи. Отряды варваров опустошили огромные территории Иллирика, нанесли сокрушительный удар по римскому Дунайскому лимесу. Своей борьбой сарматы и квады сковали на два года главные силы римской армии. Они помогли устоять прирейнским германцам; именно сосредоточение римской армии на Дунае повело к возобновлению персидской войны и к большим успехам персидской армии³⁷.

Положение на Среднем Дунае в 360-х годах источниками освещается очень плохо. Однако несомненно, что дальнейший рост социальных движений в империи и особенно активное участие народных масс Подунавья в

³⁷ A. Christensen, L'Iran sous les Sassanides, Copenhague, 1944, стр. 238.

восстании Прокопия³⁸ создавали благоприятные условия для возобновления борьбы сарматов и квадов. Их вдохновляла и дальнейшая активизация племен на Рейне, в Германии, Африке. Напряженное положение на Дунае сложилось уже в период правления императора Юлиана (361—363 гг.)³⁹. После смерти Юлиана натиск варваров на всех границах Римской империи резко усилился. Аммиан Марцеллин, характеризуя сложившуюся тогда обстановку, писал: «В это время во всем римском мире, как по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайши́е к ним границы. Галлию и Рецию одновременно грабили аламанны; сарматы и квады — обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию. Австрианы и другие маврские племена сильнее обычного тревожили Африку. Фракию грабили разбойничьи шайки готов» (Amm. Marc., XXVI, 4, 5). Таким образом, в 360-х годах сарматы и квады вновь напали на придунайские провинции. Судя по замечанию Либания (Or., XVIII, 290), то была целая волна кавалерийских набегов. Об обострении обстановки на Среднем Дунае свидетельствует и усиление там фортификационной деятельности, падающее на середину 360-х годов⁴⁰. Однако поскольку авторы, касаясь дунайских дел, ограничиваются лишь беглыми упоминаниями, можно предположить, что новые нападения сарматов и квадов все же не достигли размаха вторжений 350-х годов и постепенно пошли на убыль.

В начале 370-х годов положение Римской империи стало еще более критическим. На Рейне продолжалась упорная борьба с германскими племенами, опустошавшими Галлию. Усилилась угроза и на Востоке, где развернулось большое наступление персов⁴¹. В этих условиях римское командование прилагало большие усилия к тому, чтобы справиться с обстановкой. На наиболее опасные участки перебрасывались дополнительные силы, развернулось энергичное сооружение пограничных укреплений. Предметом особых забот римлян стал среднедунайский лимес. Здесь ремонтировались старые укрепления, возводились новые, причем римское командование вновь делало попытки создать укрепленные пункты на территории самих варваров⁴². Одно из таких укреплений римляне стали возводить в земле квадов. Это, естественно, вызвало большое недовольство варваров (Amm. Marc., XXIX, 6, 2). Несмотря на жалобу последних самому императору Валентиниану, было решено ускорить строительство, для чего в Валерию был направлен некто Марцеллиан, молодой и самонадеянный человек (там же, XXIX, 6, 4). Его деятельность и дала толчок к взрыву. Марцеллиан возобновил постройку укрепления, не взирая ни на какие просьбы царя квадов Габиния. Мало того, он пригласил к себе Габиния на обед и предательски его убил, рассчитывая, очевидно, запугать варваров. Однако эффект от этого злодеяния оказался роковым для римлян. «Слух об этом преступном деянии, — рассказывает Марцеллин, — распространился повсеместно и ожесточил как квадов, так и соседние племена» (XXIX, 6, 6). Между тем в это время происходило восстание в Африке и значительные силы из Паннонии и Мезии были направлены на его подавление. Данное обстоятельство, как на это указы-

³⁸ Г. Л. Курбатов, Восстание Прокопия (365—366), ВВ, XIV (1958), стр. 19 сл.

³⁹ Stein, Sarmaticus, RE, Dessau, ILS, III, 8945.

⁴⁰ Sandor Soproni, Adatok a valentinianuskori belyegestglak jödrendjehez, Archaeologiai Értesítő, т. 85, № 1, стр. 52; слл.; CIL, III, 3653, 5670, 10596.

⁴¹ СМН, т. I, 1924, стр. 225.

⁴² О предместных укреплениях римлян на квадской земле см. Jan Filip, Praveké Československo, Praha, 1948, стр. 292. Bedřich Svoboda, Über das Nachleben der römischen Kultur im mittleren Donaubecken, Limes Romanus Konferenz Nitra, Bratislava, 1959, стр. 108 сл.

вает Зосим (IV, 16), и создало предпосылки для квадо-сарматского вторжения в Иллирик.

Поздним летом 374 г. отряды сарматов и квадов перешли римскую границу. Время для нападения было выбрано очень удачно. Римские гарнизоны в Иллирике были сильно ослаблены; в придунайских провинциях не ожидали нападения, и массы сельского населения находились в поле, собирая урожай (Amm. Marc., XXIX, 6, 6). Натиск был произведен крупными силами, причем Аммиан Марцеллин подчеркивает дружное взаимодействие сарматов и квадов (там же). Под ударами варваров, видимо, сразу же пали многие сторожевые башни и мелкие укрепления. Однако наличие на римском берегу сильных крепостей и больших городов могло привести к резкому ослаблению натиска варваров. Но, как отмечает Зосим (IV, 16), местные формирования не имели никакого желания оборонять города, мало того, многие солдаты выступили как союзники варваров и, по словам Зосима, «досаждали местностям, расположенным еще далее от реки, не менее, чем варвары» (τοῖς ἐνδοτέρω τοῦ ποταμοῦ τόποις οὐ ἤττον ἢ οἱ βάρβαροι παρενοχλοῦντων). Поддержка со стороны местных войск, несомненно, стала важнейшей основой последующих успехов сарматов и квадов.

Римская верхушка (в том числе высшие офицеры) была охвачена паникой. Представители знати разбежались⁴³; в плен к варварам едва не попала дочь императора Констанция, направлявшаяся на бракосочетание с Грацианом. По мнению Пача⁴⁴, объектом квадо-сарматских вторжений на этом начальном этапе стали лишь Вторая Паннония и Верхняя Мезия. Однако из описаний Аммиана Марцеллина и Зосима (IV, 16) скорее явствует, что нападения сразу же приняли повсеместный характер (ср. также Themist. Or., XIV, 182 с). Этим, в частности, объясняется паника, охватившая римлян, и дезорганизация римской обороны. Но несомненно, что Паннония и Мезия стали главными направлениями наступления варваров, поскольку именно отсюда были взяты войска для переброски в Африку.

Главную силу сарматов и квадов составляла кавалерия, и, судя по высказываниям Аммиана, стремительные кавалерийские рейды стали основной формой их борьбы с Римом. Постепенно круг набегов все более расширялся. Вдохновленные успехом и богатой добычей, в войну втягивались новые массы варваров. Районы вторжений подвергались сокрушительному разгрому. «Квады с сарматами... уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грудам пепла сожженных селений, страданиям убитых жителей, которых истребляли без всякой пощады, нападая на них врасплох» (Amm. Marc., XXIX, 6, 8).

Огромный фронт разделился на два направления: Паннонско-Валерийское и Мезийское. В Валерии и обеих Паннониях варвары решительно теснили римлян. Эквиций, главнокомандующий в Иллирике, был вынужден отступить в глубь Валерии. Римляне, видимо, стремились закрыть дорогу в Италию, удержать за собой глубинные районы Иллирика, как базу для контрнаступления. Отход Эквиция повел, конечно, к дальнейшему развалу лимеса, однако крупные города на Дунае продолжали удерживаться римлянами.

Варвары, одержав значительные успехи, уже ставили перед собой более крупные задачи, направленные на овладение опорными пунктами римлян и истребление резервов противника. Острые их наступления на-

⁴³ Монетная находка из Jabing'a, датируемая 374 г., связана, очевидно, с этим успешным бегством; ср. Valentinianus, RE, стб. 2185.

⁴⁴ P a t s c h, Die quadisich-jazygische Kriegsgemeinschaft, стр. 15.

правилось на Сирмию⁴⁵, уже с давних пор являвшийся главной базой римлян при их вторжениях в сарматские земли⁴⁶. Между тем в Сирмии также царила паника, и находившийся там глава гражданского управления Иллирика Секст Петроний Проб уже собирался бежать из города. Лишь вмешательство представителей местной верхушки заставило его отказаться от своего намерения и принять меры к защите Сирмии (Амм. Марс., XXIX, 6, 11). Оборонительные сооружения Сирмии спешно ремонтировались, с ближайшего поста в город вызвали когорту стрелков.

Принятые меры и отсутствие у варваров достаточно сильной осадной техники заставили их оставить план взятия города, тем более что их сильно стесняла добыча (там же, XXIX, 6, 12). Обойдя Сирмию, сарматы направились на север, по направлению к Валерии. Этот марш варваров обычно объясняют тем, что они стремились расправиться с Эквицием, одним из виновников гибели Габиния. Этот мотив, конечно, имел некоторое значение. Однако главной целью поворота на север против Эквиция было, несомненно, стремление помешать римлянам укрепиться и собраться с силами. Вместе с тем движение крупного сарматского отряда в тылу паннонско-валерийского лимеса вело к дальнейшей дезорганизации его обороны.

Чтобы прикрыть глубинные районы Иллирика и предотвратить обход полуразрушенного лимеса значительными сарматскими силами, римляне направили против варваров два легиона, которые Аммиан именуется Паннонским и Мезийским⁴⁷. Это был довольно крупный отряд пехоты. Ядро сарматского войска, несомненно, состояло из конницы, о чем свидетельствует стремительность их действий, сила удара, хорошая осведомленность о противнике (Амм. Марс., XXIX, 6, 14). Трудно судить о соотношении сил сторон, однако уверенность римлян в победе даже силами одного легиона (XXIX, 6, 13) свидетельствует о том, что не может быть и речи о каком-то значительном численном перевесе варваров над римлянами.

По истечении некоторого времени противники сблизились. В самый канун сражения римские легионы вступили в соперничество, стремясь поодиночке атаковать варваров (XXIX, 6, 13). О происшедшем вскоре бое Аммиан сообщает следующее: «...проницательные сарматы, не ожидая обычного сигнала к битве, напали сначала на Мезийский легион и, пока солдаты среди смятения мешкотно брались за оружие, многих убили. С возросшей смелостью они прорвали боевую линию Паннонского легиона и, раздробив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех; лишь немногих спасло от смерти поспешное бегство» (XXIX, 6, 14).

На основании этого описания ход боя может быть реконструирован следующим образом. Легионы двигались на варваров, следуя на некотором расстоянии друг от друга, причем впереди шел Мезийский легион. Торопясь быстрее вступить в бой с противником, римские части, по-видимому, не уделили серьезного внимания разведке и боевому обеспечению марша. Поэтому появление сарматского отряда оказалось неожиданным для римлян; в рядах Мезийского легиона вслыхнула паника. Сарматы, видя это, с хода атаковали римлян и разгромили мезийцев, даже не успевших встать в боевой порядок. Гибель легиона, однако, позволила паннонцам выиграть время и построиться в боевую линию. Это, по всей вероятности,

⁴⁵ Что ставило, в частности, под угрозу важнейшую военную дорогу вдоль Дуная, см. P a t s c h, Die quadisich-jazygische Kriegsgemeinschaft, стр. 19.

⁴⁶ SHA. vita Maximini duo, XIII, 3; H e r o d., VII, 2.

⁴⁷ Мезийским легионом был, возможно, один из двух легионов (III Flavia или VII Claudia), постоянно находившихся в Верхней Мезии. См. E. Ritterling, Legio, RE, т. XII. стб. 1366.

заставило и сарматов произвести некоторые перестроения, чтобы создать кулак, способный прорвать строй противника.

Следующий этап сражения начался с атаки сарматского отряда на Паннонский легион. Моральный уровень последнего был подорван поражением мезийцев, сарматы, напротив, были воодушевлены своим успехом. Их удар против немногочисленных рядов Паннонского легиона оказался неотразимым⁴⁸. Боевой порядок паннонцев был прорван, силы раздроблены. Последующим ударом сарматы завершили свою победу. Заключительный этап боя свелся к бегству уцелевших римских солдат и их преследованию победоносным врагом.

Таким образом, в этом встречном бою римляне потерпели решительное поражение. Главной причиной такого исхода была раздробленность их сил, возникшая из-за упадка дисциплины и недооценки противника. Роковую для римлян роль сыграло и отсутствие у них в этом бою кавалерии, способной противостоят сарматской коннице. Что же касается сарматов, то они продемонстрировали дальнейшее развитие своего боевого мастерства⁴⁹. Верно оценив обстановку, варвары действовали с большой решительностью, смело наступали на противника, хорошо маневрировали на поле боя.

Поражение римлян резко ухудшило их военное положение. Активность римлян в Иллирике была надолго парализована, и легионы, принужденные отсиживаться в больших городах, не могли воспрепятствовать еще более широкому опустошению сельских местностей (Zos., IV, 16). На лимесе, по-видимому, держались лишь самые значительные крепости, такие, как Карнунт, Бригетцион, но в целом граница была открыта для вторжений новых квадо-сарматских отрядов. Протяженность их рейдов значительно возросла, и глубинные районы Иллирика стали ареной войны и грабежа.

Иной характер носили военные действия в Верхней Мезии. Свободные сарматы совершили на территорию этой важнейшей житницы Рима⁵⁰ ряд сильных вторжений. Однако римская оборона оказалась здесь гораздо более стойкой. Произошли многочисленные столкновения, и, несмотря на свою храбрость, сарматы несли поражения (Themist., Or., XIV, 182 с) и каждый раз были вынуждены отступать на свою территорию (Amm. Marc., XXIX, 6, 15). Неудачи значительно ослабили наступательный порыв варваров, но их отряды все же продолжали нападать на римские границы. Однако и эти попытки не увенчались успехом; римляне прочно удерживали линию Мезийского лимеса.

Сарматские неудачи в Мезии объясняются тем, что римляне обороняли здесь сравнительно узкий и хорошо укрепленный участок фронта⁵¹. Гористый и лесистый характер Верхней Мезии затруднял действия сарматской конницы, и, видимо, не случайно упоминает Аммиан о страхе варваров перед римскими засадами в глуши лесов (XXIX, 6, 16). Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что римские войска в Верхней Мезии возглавил талантливый и энергичный полководец—будущий император Феодосий (Amm. Marc., XXIX, 6, 15).

В конце концов здесь начались римско-сарматские переговоры, которые и привели к заключению мира между римлянами и сарматами

⁴⁸ О силе натиска кавалерии сарматского типа см. Fr. Altheim, *Niedergang der alten Welt*, Fr. am Main, 1952, т. I, стр. 24.

⁴⁹ В. Д. Блаватский (Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 114 сл.) убедительно показывает рост боевой мощи сарматских племен в первые века н. э.

⁵⁰ М. Г р б и б, *Централна Србија у римско доба*, Београд, 1956, стр. 31.

⁵¹ D. Tudor, *Garnizoane Romane pe malul bănăţean al Dunării în secolul IV e. n.*, SCIV, 1958, IX, № 2, стр. 373 сл.

Баната. Аммиан Марцеллин не сообщает, когда именно был заключен мир. Однако, повествуя о том, что сарматы охотно выполнили его условия, он говорит: «И тем более охватил их страх, что для охраны Иллирика прибыли большие силы галльской армии» (XXIX, 6, 16). Известно, что эти передвижения римских войск произошли весной 375 года. Таким образом, к этому времени мир уже был заключен. Трудно сказать что-либо об условиях мирного договора, но поскольку римляне ограничились пассивной обороной, даже не вступив на территорию противника, то можно предположить, что условия мира вряд ли были чрезмерно тяжелы для свободных сарматов Баната⁵².

В период вторжений варваров на территорию Иллирика крупные силы римской армии во главе с императором Валентинианом находились в Галлии⁵³. Узнав о событиях на Среднем Дунае, Валентиниан решил было немедленно двинуться в иллирийские провинции. Однако стояла уже поздняя осень, и под воздействием его приближенных поход был отложен до весны (Amm. Marc., XXX, 3,3). Наступившие холода делали очень затруднительным как передвижение, так и снабжение армии. Серьезные опасения римлян вызывала и возможность нового нападения аламаннов.

Весной 375 г. (как считают, не ранее 9 апреля)⁵⁴ император, заключив мир с аламаннами, выступил с войском из Трира и направился на Средний Дунай. Походу в Иллирик предшествовала основательная подготовка; с императором шло многочисленное войско (Socr., IV, 31; Soz., VI, 36). По несколько риторическому свидетельству Созомена, сарматы *ingentem numerum corporum ac apparatus magnitudinem comperissent* — «узнали о громадной численности войск и широком размахе (военных) приготовлений». Когда императорская армия приближалась к Карнунту, ее встретило сарматское посольство. Это была, конечно, делегация сарматов, обитавших между Дунаем и Тиссой, так как со свободными сарматами Баната уже был заключен мир. Поражение свободных сарматов в Верхней Мезии сильно обескуражило их соплеменников. Бои, напряженные и длительные марши ослабили также и силы сарматов, нападавших на обе Паннонии и Валерию сразу. К тому же огромные потери 357—359 гг. нанесли их резервам непоправимый урон. Зимой 374—375 г. и ранней весной 375 г. нападения сарматов, по-видимому, пошли на убыль, а прибытие в Иллирик главных сил римской армии окончательно склонило их в сторону мира.

Сведения о состоявшихся переговорах слишком скудны, чтобы судить об их результатах. Во всяком случае было достигнуто перемирие, причем в основу будущего мирного договора клалась уплата сарматами денежной контрибуции. После завершения предварительных переговоров император возобновил марш и прибыл в Карнунт.

После выхода из войны всех сарматских племен римляне могли сосредоточить свои силы для борьбы против квадов. План римлян сводился к тому, чтобы напасть на противника с двух сторон: из Карнунта и Аквинка (ср. Patsch, *Die quadisich-jazygische Kriegsgemeinschaft*, стр. 24). Первый удар по квадам был нанесен из Карнунта, откуда в земли варваров вторгся полководец Меробавд с отрядом пехоты (Amm. Marc., XXX, 5, 13). Сам Валентиниан с главными силами, ядро которых, по-видимому, составляла кавалерия (ср. Patsch, там же), быстро двинулся в Аквинк. Здесь

⁵² Patsch (*Die quadisich-jazygische Kriegsgemeinschaft*, стр. 22) считает без должных к тому оснований, что они стали федератами.

⁵³ Его штаб-квартирой был Трир. СТЬ, IV, 17, 1.

⁵⁴ O. Seesck, *Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus*, «Hermes», т. XLI (1906), стр. 526.

при помощи многочисленных судов был наведен мост, по которому римская армия, переправившись на левый берег Дуная, двинулась на север против квадов.

Квады были захвачены врасплох появлением императорского войска, так как их внимание отвлек Меробавд, да и Аквинк прилегал непосредственно к сарматским землям, а не к владениям квадов, и последние, возможно, считали, что задача римлян сводится прежде всего к опустошению земель их бывших союзников. Продвижение римлян шло успешно, квады, так и не оказав им организованного сопротивления, укрылись в глубине гор. Аммиан сообщает, что, опустошив земли квадов, император вернулся назад, не потеряв из своей армии ни одного человека (XXX, 5, 14). Это, конечно, преувеличение, но несомненно, что потери римлян в этом походе были невелики.

Описанный выше поход при его удачном исходе был все же по существу довольно скоротечным рейдом, ибо император даже не сделал попытки преследовать квадов в глубине их владений. Аммиан отмечает, что в Аквинке, куда возвратились римляне, их «захватила быстро наступившая осень» (там же). Это и было главной причиной поспешного отхода римлян на свою территорию. Вместе с тем Валентиниан значительно переоценил свои успехи, так как вскоре после возвращения из рейда он уже планировал перемещение войск в Галлию (Amm. Marc., XXX, 5, 17). Пробыв некоторое время в Аквинке, Валентиниан затем направился в Саварию, избранную им под зимние квартиры. Этот город, не представляя сильной крепости, тем не менее был достаточно велик для размещения значительных масс войска и занимал выгодное стратегическое положение. Однако в Саварии император находился недолго. Невзирая на позднее время года и усталость войск, он быстрым маршем вновь двинулся к Дунаю и прибыл в Бригецион (XXX, 5, 15). Эта перегруппировка римской армии была вызвана намерением, опираясь на Бригецион⁵⁵, совершить новое вторжение в землю квадов.

Смысл этих действий убедительно объяснен Пачем: римляне, недооценив силы противника, слишком рано покинули территорию восточных квадов и не оказали поддержки Меробавду, который, по-видимому, натолкнулся на упорное сопротивление. Но напряженное положение, как кажется, сложилось и на некоторых других участках дунайской границы, так как, следуя в Бригецион, Валентиниан усиливал гарнизоны придунайских крепостей и фортов (Amm. Marc., XXX, 5, 15).

При появлении в Бригеционе главных сил римской армии, квады, лишённые союзников и сильно истощённые предшествующей борьбой, обратились к римлянам с просьбой о мире. Нехватка продовольствия, распутица (Amm. Marc., XXX, 6, 2), а в еще большей степени эпидемия чумы (там же, 6, 4) сделали и для римлян крайне затруднительным продолжение войны. Они охотно приняли квадских послов. Завязавшиеся переговоры носили очень напряженный характер⁵⁶. В ходе их император Валентиниан пришел в страшную ярость и, потрясенный, скончался почти на глазах у варваров (ноябрь 375 г.). Смерть императора прервала переговоры, продолжение военных действий стало также невозможным. Наведенный через Дунай мост был разобран, Меробавда поспешно отозвали на римскую территорию (Amm. Marc., XXX, 10, 2).

Войны 350—370 гг. имели большое историческое значение. Вторжения,

⁵⁵ Возможно, в связи с этим здесь и были произведены небольшие строительные работы. См. L. V a g s b o z i, Brigetio, Budapest, 1951, стр. 16.

⁵⁶ A m m. M a r c., XXX, 6, 2—3; S o c r., IV, 31; S o z., VI, 36. Сократ и Созомен ошибочно говорят здесь о сарматах.

варваров Среднего Дуная серьезно подорвали экономику Иллирика⁵⁷, нанесли огромный невосполнимый урон населению сельских местностей, поставлявших лучшие кадры для римской императорской армии⁵⁸. Среднедунайский лимес и система глубинной обороны оказались в значительной степени парализованными. Постоянные гарнизоны Иллирика понесли огромные потери, революционные настроения в их среде резко усилились. Таким образом, главная, иллирийская база римлян, служившая одновременно тылом нижнедунайского фронта и плацдармом на подступах к Италии, была подорвана в самый канун решительной борьбы 378—410 гг. Квадо-сарматские вторжения содействовали активизации варваров на Нижнем Дунае, они облегчали борьбу западных германцев и персов, крайне осложняя и ухудшая общее военное положение империи. Нападения сарматов и их союзников неоднократно притягивали к иллирийской границе главные силы римской армии, и жестокая борьба на огромном фронте содействовала постепенному истощению ее кадров.

Войны с Римом потребовали и от варваров Среднего Дуная крупных человеческих жертв и больших материальных потерь. Однако у варваров, хотя и замедленным темпом, продолжалось развиваться производство и во 2-й половине IV в. Взамен утраченных торговых связей укрепились новые; так, росла торговля с германскими областями⁵⁹. Ожесточенная борьба с Римом ускоряла у варваров процесс социальной дифференциации; в руках знати скопились большие богатства.

Главной ударной силой рассмотренных выше войн были сарматские племена. Аммиан поэтому при описании вторжений говорит преимущественно о сарматах, об их «полчищах» (XXIX, 6, 15), тогда как квады для него народ «теперь вовсе не страшный». Другие авторы: Созомен (VI, 36), Сократ (IV, 34), Фемистий (Or, IV, 57a), касаясь событий 350—370 гг., также повествуют исключительно лишь о борьбе с сарматами. Ведущая роль сарматов сказалась прежде всего в том, что их фронт охватывал примерно $\frac{2}{3}$ всего среднедунайского лимеса. Во время войны 357—359 гг. римляне были вынуждены провести против них четыре похода, дать три крупных сражения. Повторное выступление лимигантов зимой 358—359 г. почти на год задержало на Дунае главные силы римской армии. В жестокой борьбе с Римом племена Среднего Дуная не только нанесли ему огромный урон. Вопреки всем усилиям римлян они сумели отстоять свою независимость. Правда, варварам Среднего Дуная не удалось добиться решительных результатов; не им достались и плоды пришедшей, наконец, победы варваров над Римом. Тем не менее сарматы и их союзники внесли большой вклад в дело сокрушения Римской империи, выступив как авангард великого переселения народов.

⁵⁷ L i b a n., Or., XXIV, 12. Об инфляции в Паннонии IV в. см. E. V. T h o m a s, *Über die römische Provinz Pannonien*, «Das Altertum», т. 2 (1956), вып. 2, стр. 118.

⁵⁸ E. M. Ш т а е р м а н, Этнический и социальный состав римского войска на Дунае, ВДИ, 1946, № 3, стр. 256 слл.

⁵⁹ Vojtech O n d r o u c h, K hospodársko-kulturnym stykom Slovenska v dobe rimskeho panstva v podunajsku, «Historicky časopis», т. II, 1954, № 2, стр. 250.

